

Встреча для вас

Требуется доказать

Имя народного артиста РСФСР, ведущего актера Центрального детского театра, Геннадия Михайловича Печникова хорошо известно не только москвичам.

Сегодня корреспондент Е. Грандова беседует с **Г. ПЕЧНИКОВЫМ** о его «учительских» ролях.

— Геннадий Михайлович, на сцене мы видели трех педагогов: начинающего Анатолия из пьесы В. Розова «Страницы жизни»; опытного учителя математики Александра Павловича в спектакле «Гусиное перо» С. Лунгина и И. Нусинова; математика Лунева в «Печальном однолюб» С. Соловейчика, прототипом которого стал учитель Шталаов. Скажите, если бы можно было выразить одним словом качество, объединяющее столь разных людей, какое бы вы назвали?

— Вы, наверное, ждете, что я скажу — любовь к профессии, творческое отношение к делу, знания... Все это, безусловно, должно быть присуще хорошему учителю. Но... эти же самые качества в равной мере необходимы хорошему врачу, инженеру, буровику, пахарю. А когда речь заходит об учительском братстве... Я бы подобрал слово «трепетность». Точнее — личная заинтересованность абсолютно в каждом ученике. Для меня настоящий учитель тот, кто берется за ручку двери, идя на урок, — с бьющимся сердцем, с блестящими глазами. Причем не только первого сентября в первый день работы, но и шестнадцатого февраля в шестнадцатую учительскую зиму.

Мне могут сказать: ну, эдак никакого здоровья не хватит... Да, ответу я, может и не хватит. Но вот эта абсолютная отдача себя детям — условие профессии. В этом вижу общность наших профессий — учителя и артиста.

— Однако у вас, актеров, есть профессиональные приемы, вас учат им. И, наверное, вполне нормально, если артист выходит на сцену во всеоружии этих приемов, особенно, если спектакль

такль далеко не премьерный. Возможна ли тогда трепетность? Не красивые ли это слова о своей профессии представителей актерского ордена?

— Красивые слова... Приходилось ли вам слушать музыканта, который все играет верно — все ноты, переходы правильны. Техника виртуозная. А музыки нет. Душа слушателя остается равнодушной. Но вдруг то же самое произведение, пусть даже менее технично сыгранное, заставит вас забыть обо всем на свете. В чем здесь дело? А в том, что музыкант согрел исполнение своим трепетом, волнением. И неизбежно оно эхом откликнулось в вас.

Когда артист играет только при помощи выучки, техники, опыта, оставаясь равнодушным, это всегда видно. «Вот как мастерит сегодня!» — говорим мы.

— Геннадий Михайлович, с кого вы «писали» свои роли? Что помогало вам вжиться в учительские характеры?

— Какого-то одного, конкретного прототипа, даже в Лунева, у меня не было. Было представление о профессии, но это — вторых. Во-первых, конкретные впечатления от учителей, с которыми встречался в жизни. У каждого брал какую-то черточку. У нашего учителя немецкого языка — юмор и артистизм. Никогда не забуду его поющих интонаций и подпрыгивающей (по моему, он делал это специально)

походочки в такт стихотворно произносимым немецким предложениям. Наш учитель понимал, что многими ребятами немецкий язык воспринимался соответственно времени: ведь приближалась война. И он находил какие-то, только свои, приемы. Я, например, на всю жизнь запомнил и предлоги, и падежи, и другие премудрости языка.

Однажды я случайно познакомился, а потом и подружился с молодым учителем. Его страшно беспокоили вопросы: нужно в одежде следовать моде или нет? Нужно быть строгим с учениками? Вместе с ним я ходил к его старенькой учительнице. Она поила нас чаем и рассказывала о своей жизни. Эти встречи очень пригодились в работе над образом молодого учителя Толи из спектакля «Страницы жизни».

Здесь, мне кажется, мы подходим к главному, что роднит учителя и актера, что помогло мне, как вы выразились, вжиться в образы. Необходимо знать много больше своего предмета и еще больше — о жизни, потому что педагогика, театр — это человековедение. Очень важно владеть ораторским мастерством (не понимаю, почему этой науке не обучают в пединститутах). Обладать фондом профессиональных приемов (если ты профессионал!). Скажем, сегодня зал (класс) шумный, чем-то взволнован — необходимо его насторожить. Как? Делаю неожиданную паузу, непредусмотренный проход по сцене, повернусь спиной, что-то еще придумаю. Этот спектакль (теорему Пифагора) буду давать вот для того мальчишки из пятого ряда с грустными глазами. И сделаю все, чтобы его увлечь. Заодно, надеюсь, увлекутся и другие.

Дальше. Твердо стоять на позициях, выбранных по законам чести и совести. Даже если останешься один.

Много читать и еще больше думать. Волноваться. Требуется доказывать, что вы актер, вы учитель. Чувствовать себя счастливым, доказывая это всю жизнь.